

александр
ЖИТИНСКИЙ

ФИГНЯ

амфора

Кинопроза и либретто

Александр Житинский

Время летать

«Геликон Плюс»

Житинский А. Н.

Время летать / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс»,
— (Кинопроза и либретто)

© Житинский А. Н.

© Геликон Плюс

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Житинский

Время летать!

* * *

Лунева разбудил ранний телефонный звонок. Откинув одеяло, Лунев сунул ноги в шлепанцы и, как был в пижаме, направился из спальни в кабинет.

Жена тоже проснулась. Она оторвала голову от подушки и проводила мужа взглядом, полным тревожного ожидания.

Лунев подошел к письменному столу. Там рядом с телефонным аппаратом и письменным прибором стояла модель реактивного самолета «ТУ-154». Телефон трезвонил, не переставая.

Лунев снял трубку и привычно проговорил:

– Лунев слушает.

Последовала долгая пауза, во время которой Лунев стоял неподвижно, слушая абонента. Лицо его было сосредоточенным.

– Спасибо, – наконец сказал он.

А потом, после короткого молчания:

– Постараюсь оправдать доверие.

Он положил трубку, постоял несколько мгновений, что-то обдумывая, и вернулся в спальню.

Жена встретила его тем же ожидающим взглядом.

– Можешь меня поздравить, – хмуро сказал Лунев.

Вокзал местного аэропорта в эти утренние часы напоминал Ноев ковчег. Точнее, спящий Ноев ковчег, который к тому же никуда не плывет. Еще точнее – это было сонное царство, хорошо известное по русским сказкам.

Тут и там, группами и поодиночке, приткнувшись к чемоданам и тюкам, свернувшись в креслах, притулившись к перегородкам, в самых живописных позах спали и дремали пассажиры.

Здесь были все возрасты, национальности, социальные группы.

Служащие аэропорта дисциплинированно дремали на рабочих местах: за регистрационными стойками, в справочном бюро, в вокзальном буфете. Если кто и двигался, то так лениво и плавно, что это лишь подчеркивало общее состояние спячки. Тихо было в аэропорту, никаких звуков, кроме храпа да посапывания, не раздавалось.

Аэропорт был захолустный, провинциальный, постройки пятидесятих годов. Стояли пальмы в кадках. Отдельные новшества, вроде кресел на колесиках, только подчеркивали провинциальность.

Именно в таких широких креслах ожидала вылета группа пассажиров: старик интеллигентного вида с худым лицом и впалыми щеками; мужчина средних лет, по виду – производитель; молодой человек с бородкой и румяными круглыми щечками; наконец, красивая женщина, которую портила лишь обильная косметика, зато украшала дорогая шуба.

Производитель дремал, вытянув вперед ноги и надвинув на нос шапку, отчего были видны лишь его широкие скулы. Остальные трое вели вялый разговор: все уже успели перезнакомиться за время многочасового ожидания.

– Ну, а раньше?.. – устало спросил молодой, обращаясь к старику.

– Сколько себя помню, здесь всегда творилось бог знает что! – раздраженно вмешалась женщина.

– Не скажите, – возразил старик. – При Силине работали нормально. Правильно работали.

– Силин? Кто это? – спросила женщина.

– Сразу видно, что вы молоды, – улыбнулся старик. – Был такой начальник аэропорта, царство ему небесное!

– Вспомнили Силина... – вздохнул молодой. – При Силине летали на «илах», на винтовой технике...

– Дело не в технике, а в людях, – сказал старик.

– Они допрыгаются... – вдруг тяжело пообещал производственник, не меняя позы.

Все замолкли, посмотрели на него. Однако, он свою мысль не продолжил.

– Нет, так мы никогда не улетим! – женщина резко поднялась и направилась туда, где под сенью декоративной пальмы расположилась группа людей с музыкальными инструментами в футлярах. Это был аккомпанирующий состав, сопровождавший певицу в гастрольной поездке.

Певица потрясла за плечо молодого администратора.

– Аркадий!

Тот поднял голову, посмотрел спросонья.

– Ты узнавал?

– Не порите панику, Валентина Григорьевна! – недовольно произнес Аркадий. – Рейс откладывается на два часа.

– Это уже шестые два часа!

– Да не улетим мы сегодня, ежу понятно, – отозвался саксофонист в летах. – Ничего, Валентина, сейчас рестораник откроют...

Щелкнуло в динамике, висящем над пальмой, и оттуда донесся девичий голос:

– «Вниманию пассажиров, вылетающих рейсом 4515 до Махачкалы. Ваш вылет задерживается на два часа по метеоусловиям».

В кабинете начальника Службы обеспечения полетов происходило тем временем конфиденциальное совещание. В нем участвовали хозяин кабинета Петр Герасимович Горохов – плотный крепенький старичок, каких именуют иногда «боровичками», – и его подчиненный Борис Чиненков, человек лет тридцати пяти с юрким примечающим взглядом. Они сидели за столом для совещаний напротив друг друга и переговаривались тихо и внятно, глядя друг другу в глаза.

– Ну, а если? – с сомнением проговорил Горохов.

– Никаких если, Петр Герасимович! Что они – не понимают?! – Чиненков перешел на свистящий шепот. – Да я первый уйду... Там ведь не дураки сидят. Сравнить вас и Лунева!

– Думаешь? – озабоченно переспросил Горохов, словно окидывая себя мысленным взором.

– Факт!

Щелкнуло в системе диспетчерской связи, запищал зуммер. Горохов вразвалочку подошел к пульту, нажал клавишу.

– Слушаю, Горохов.

– «Петр Герасимович, на Махачкалу опять задержка!» – сказал в динамике женский голос.

– А в чем дело?

– «Кажется, не заправлен.»

– А ты узнай... И не трезвонь больше. Мне некогда, – Горохов нажал клавишу и вернулся к Чиненкову. У того уже были готовы аргументы.

– Лунев нашей службы не нюхал. Что у него? Летал как все...

– Положим, летал-то он... – попытался возразить Горохов.

– А что? Я вам скажу – разговоров больше! – убежденно зашептал Чиненков. – У нас же как? Человек один раз вылетит по расписанию, так о нем уже песни поют.

– А переучивался в Академии? Не шутка. Факультет организации производства, – вздохнул Горохов.

– Ах-ах! Подумаешь. Факультет.

– И потом – молодой он, – выложил последний козырь Горохов.

– Сомнительное преимущество, – парировал Чиненков. – Молодой – сиречь неопытный. А у вас стаж почти полвека... В нашей системе, я вам скажу, никакие знания роли не играют... Только опыт! Сложная система у нас, надежности мало. Молодым тут делать нечего, они пусть ума набираются под руководством старших. Вот я – молодой... Разве я не понимаю, что руководить аэропортом должны вы, а не Лунев...

Опять запищал зуммер. Горохов подошел к пульта, включил связь.

– «Петро, ты не забыл, что сегодня хоккей?»

– Ты мне лучше про рейс на Махачкалу скажи, – добродушно отвечал Горохов.

– «Там все в норме. Улетят. Не сегодня, так завтра».

– Смотри у меня, Федор!

Горохов снова выключил селектор, оперся кулаками на стол, глянул орлом.

– Значит, говоришь, меня должны?

– Больше некого, Петр Герасимович! – развел руками Чиненков.

В аэровокзал как-то бочком вошел худощавый человек с жалобным, слегка заискивающим лицом. Под мышкой он неловко держал большую картонную коробку из-под макарон. Близоруко, с прищуром оглядев зал, он направился к выходу на перрон, где сгрудились встречающие. Пробираясь по залу было трудно, человек то и дело путался в лабиринте чемоданов и спящих.

Подойдя к девушке в форме, дежурившей у выхода, он спросил:

– Рейс из Иркутска прибыл?

– Нет еще.

– А когда?

– Как прилетят, так и будет.

– Понятно...

Он отошел к стене, поставил коробку на пол. По тому, как он управлялся с нею, было видно, что коробка пуста.

Рядом стояла увядающая женщина с увядающим букетом.

– Вы тоже иркутский встречаете? – спросил мужчина робко.

Она вздрогнула, отчего с букета осыпалось на пол еще несколько лепестков.

– Это безобразие! Опаздывает на двое суток.

– Иркутский? – испугался он.

– Ташкентский! Ташкентский! У меня цветы вянут.

Лепестки бесшумно падали на пол.

– А вы узнайте, – жалостливо посоветовал он.

– У кого? – она презрительно посмотрела на него. – В этом аэропорту даже начальника нет!

– Как же они... без начальника?... – мужчина совсем сник.

– А вот так! – торжествующе сказала она и вдруг, с ненавистью взглянув на букет, швырнула его в урну.

Официант в плохо отутюженном смокинге появился за стеклянной дверью ресторана и перевернул табличку. Было «Ресторан закрыт», стало «Ресторан открыт». Он распахнул дверь и отодвинулся в сторону, приглашая пассажиров зайти.

В ресторан стали втекать первые посетители. В их числе была и группа гастролирующих музыкантов: певица Валентина, администратор Аркадий, пожилой саксофонист Виктор Иванович и молодой барабанщик Толик... Они заняли стол. Певица взяла меню.

Официант подошел к ним.

– У нас еще ничего не готово. Плита разогревается, – сообщил он.

– Зачем же вы открываете? – недовольно сказала певица.

– Расписание, – пожал он плечами.

– Вы бы лучше летали по расписанию! – вскипела она.

– Валентина, не нервничай, – примирительно сказал саксофонист. – У ресторана одно расписание, у плиты другое...

– У самолетов – третье, – подхватил Аркадий.

– Как вас зовут? – обратился саксофонист к официанту.

– Иннокентий.

– Вот что, Кеша. Сидеть мы здесь будем долго. Пока не улетим, – начал саксофонист.

– У меня смена кончается в восемнадцать, – оказал официант.

– Значит, передашь нас сменщику.

– Да вы что?! Намерены здесь до вечера сидеть?! – опять разнервничалась певица. – У нас вылет через два часа.

– Блажен, кто верует... – сказал Аркадий.

– Ты не торопись, Кеша, – не обращая внимания на них, продолжал саксофонист. – Пока плита разогревается, принеси-ка нам закусочки. А как с этим делом? – он изобразил двумя пальцами «стопарик».

– Ну, вы же знаете... – развел руками официант.

– Понятно, – кивнул саксофонист.

Официант удалился.

– Я лично здесь сидеть не намерена, – сказала Валентина. – К обеду я должна быть в Иркутске.

– К завтрашнему обеду, – уточнил администратор.

– Почему? – удивилась она.

– Сегодня, летать не будут. Сегодня должны назначить начальника. Завтра он выйдет, и мы улетим...

– Или не улетим... – благодушно добавил саксофонист. – Чем здесь плохо? Закуска та же, что в Иркутске, – он указал на приближающегося с подносом официанта.

– Аркадий, ты откуда про начальника знаешь? – спросил Толик.

– У меня профессия такая, Толик. Ты на барабанах стучишь, ты ничего знать не обязан. А я администратор... Я даже знаю, кто будет новым начальником аэропорта.

Официант, уже расставлявший на столике закуски, насторожился, прислушиваясь к разговору.

– Кто? – спросил саксофонист.

– Лунев.

– Вот уж нет! – не выдержал официант. – Горохов будет. В крайнем случае – Афанасьев.

– Он мне говорит! – кивнул на официанта Аркадий.

– Кеша, рюмочки, пожалуйста, – попросил саксофонист.

Официант поставил рюмки.

– Только по-тихому, – сказал он.

– Да какая разница! Разница-то какая! – воскликнула Валентина. – Горохов! Лунев! Мы их как не видели, так и не увидим! Нам главное – вовремя вылететь!

– Ошибаетесь, Валентина Григорьевна, – заметил администратор. – Неглубоко копаете.

– А у нас с собой было, – саксофонист опустил рюмку под стол и налил из фляги, не вынимая ее из внутреннего кармана пиджака.

Официант Иннокентий с нервной прямой спиной вошел в служебное помещение ресторана. Там у стойки буфета ожидали очереди на раздачу старый официант и молодая официантка в наколке. Толстая буфетчица резала ветчину.

Иннокентий остановился, выдержал паузу, сказал значительно:

– Говорят, Лунев будет.

– Типун тебе на язык! – вздрогнула буфетчица.

– Откуда знаешь, Кеша? – спросила официантка.

– Фраер один сказал.

– На то он и фраер! – рассердилась буфетчица. – Горохов будет, Петр Герасимович, сто лет его знаем. А ты – Лунев... Кто это – Лунев?

– Пилот. Командир корабля, – сказал старый официант.

– Который непьющий, что ли? – спросила буфетчица.

– Он.

– А ведь верно! – вспомнила молодая официантка. – Раньше всегда заказывал чанахи, водку не заказывал.

– Ну? Где вы видели непьющих начальников?! – сказала буфетчица.

– Ну, сейчас-то не выпивают, – заметил старый официант.

– Ага, держи карман! – сказала буфетчица. – Дома пьют, запершись... Лунев! Фу, ты, господи! – она двинула тарелку с ветчиной по стойке.

– Если Лунев придет, нам всем крышка. Говорят, мужик крутой, – задумчиво сказал старый официант.

– А что он нам? У нас другая система, – сказала буфетчица.

– Вот найдет он на вас, Ирина Семеновна, народный контроль, тогда узнаете – какая у нас система! – засмеялся Иннокентий.

– Система у нас одна – социалистическая, – строго заметил старый официант и удалился с коньяком.

– Не надо лозунгов! – крикнула вслед буфетчица. – Ну что ты скажешь?! А?! Совсем распустились!

По радио объявили: «Внимание пассажиров! Произвел посадку рейс 4508 из Иркутска». Иннокентий, молодая официантка и буфетчица прослушали объявление, окаменев.

– Это что-то новенькое... – официантка подхватила, побежала в зал.

– Вот! А вы говорите, – гордо произнес Иннокентий.

– Не может быть... – прошептала буфетчица.

Пассажиры иркутского рейса толпой входили с перрона в аэровокзал. Человек с коробкой, снова подхватив ее под мышку, вглядывался в их лица. Рядом обнимались, раздавались восклицания, приветствия...

Поток пассажиров иссяк. Дежурная закрыла турникет.

Человек с коробкой подошел к ней.

– Простите... Моя фамилия Туркин. Тут должна была прилететь гражданка с корзинкой. В ней кот. Я кота встречаю.

– Кота? – удивилась дежурная.

– Ну, да. Ангорского... Может быть, не все вышли?

– Пассажиры все вышли, – сказала дежурная. – Про котов сказать не могу.

Туркин обернулся.

– Товарищи! Секундочку внимания! – громко обратился он к оставшимся пассажирам иркутского рейса. – В самолете из Иркутска везли кота? Ангорского, дымчатого?..

– Ты бы еще медведя спросил! – добродушно ответил один.

– Нет-нет, никаких котов не было, я вас уверяю, – сказала женщина.

Пассажиры потеряли интерес к Туркину. Он в растерянности озирался по сторонам. Внезапно его потянула за рукав старушка, выросшая будто из-под земли. Старушка отвела Туркина в сторонку и, кинув взгляд по сторонам, сообщила шепотом:

– Был кот.

– У кого?

– Женщина сидела рядом, с корзинкой. В дубленке до пят.

– Точно! – воскликнул Туркин.

– В корзинке кот. Я же знаю.

– А где она?

– Пошла и пошла. Первой к дверям сунулась.

– Спасибо, бабуля! – Туркин кинулся к выходу.

В справочном окошке появилось лицо.

– Девушка, когда начнется регистрация на Мурманск?

– Рейс задерживается.

– Почему?

– По метеоусловиям.

Мгновенно появилось другое лицо, будто в календарике наручных часов сменилась дата.

– Как с Кишиневом?

– Задержка.

– Опять?!

– По метеоусловиям.

– Вы в окно взгляните! «Мороз и солнце, день чуде...»

Возникло новое лицо, с усами.

– Девушка, когда в Тбилиси полетим?

– Задержка.

– Такая красивая девушка...

– По метеоусловиям.

Опять новое лицо молодого человека.

– Девушка, как вас зовут?

– Задержка.

– Можно с вами встретиться?

– По метеоусловиям...

В тесную будочку справочной службы ворвалась другая девушка в аэрофлотовской форме.

– Милка! Горохов! – запыхавшись, сообщила она.

Не успело следующее лицо задать свой вопрос, как Милка резко опустила перед ним шторку, закрывающую окошко, и обернулась к подружке.

– Точно?

– Абсолютно. Парамонов сказал.

– А он откуда знает?

– Ему Сакович сказал.

– Сакович знает... – кивнула Мила.
– Правда, здорово? Такой мужик! Помнишь, у него на юбилее? Шестьдесят пять ему было...
– Семьдесят, – поправила Мила.
– Тем более. И почти никакого маразма. Слава богу, что он. Теперь все будет хорошо...
– По-старому будет, – кивнула Мила.
Рука пассажира снаружи приподняла шторку. Появилось лицо.
– Девушки, почему не летаем?
– Им бы только летать! Что за народ! – громко возмутилась Мила. – Спросите у руководителя полетов!

Руководитель полетов Афанасьев в специальной машине с надписью «Руководитель полетов» выехал на заснеженную взлетно-посадочную полосу. Машина помчалась по полосе, взметая снежные вихри.

Афанасьев сидел рядом с водителем и переговаривался по радиотелефону с диспетчерской службой.

– Николай, я ее не вижу.
– «Рано еще, Игорь Дмитриевич. До объекта полтора километра».
– Почему не чистят полосу?
– «А зачем, Игорь Дмитриевич?»
– Что значит – зачем? Положено.
– «АТБ говорит, что водителя не могут найти».
– Пускай дадут другого.
– «Где ж его взять?»

Афанасьев увидел вдали фигурку человека. Подъехали ближе. Это была лыжница в ярком костюме, которая не спеша совершала прогулку по взлетно-посадочной полосе. Машина затормозила рядом с нею. Лыжница остановилась, вопросительно взглянула на машину. Афанасьев распахнул дверцу.

– Руководитель полетов Афанасьев, – представился он.
– Зоя Сергеевна, – приветливо кивнула она.
– Вам известно, Зоя Сергеевна, что здесь нельзя прогуливаться на лыжах?
– Почему? – удивилась она.
– Это аэродром. Вы находитесь на взлетно-посадочной полосе.
Лыжница посмотрела себе под ноги. Ее изумление было совершенно искренним.
– Первый раз слышу, – сказала она. – Здесь летают?
– Здесь взлетают и садятся самолеты! – Афанасьев потерял терпение.
– Никогда не замечала... Я каждое воскресенье здесь гуляю. Никогда никаких самолетов...

– То, что самолеты не летают... по техническим причинам... еще не повод, – пряча глаза, объяснил Афанасьев. – А что, никогда не видели самолетов? – вдруг спросил он.

– Вы меня за дуру принимаете! – обиделась женщина. – Неужели я поперлась бы под самолет?

– Кто вас знает... – с сомнением сказал Афанасьев. – Пожалуйста, пройдемте в машину. Я вынужден составить акт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.